

ОГОНЬ НЕБЕСНЫЙ

...Бродишь по залу с вихляющей тележкой, набираешь всякую ерунду: соус для спагетти в тяжелой стеклянной банке, облепленный пленкой кусок сыра, порошок для стиралки, чтобы воду смягчать, а то нарастет там, в машине, какая-то гадость, и сломается механизм, еще соседней зальешь, гирлянду сосисок, взвешенную и заклеенную ценником в прозрачном мешке, гель для бритья... Бродишь себе и бродишь, думая только о том, что еще взять впрок. Но приходит время двигаться к выходу, а там, в конце этого блуждания, когда все, чего хотел, уже получил, ждет тебя касса, зеленым огнем вспыхивающий итог. Плати за все – и свободен, жизнь вырвала из наших рядов... Конечно, жизнь, ведь говорим же «конец жизни», а не «начало смерти». Рассчитались за все? Ну прощайте, благодарим за покупки. Надеемся, что придете к нам еще.

Впрочем, это буддисты надеются или кто там – на вторую и последующие попытки в виде собаки, змеи, таракана и так далее. А мы-то полагаем, что освободились, что больше в этом супермаркете нам делать нечего, и впереди только бесцельные прогулки по зеленым лужайкам или – о-хо-хо, вполне возможно, по грехам-то – горячее производство, выплавка чистого сверкающего раскаяния из бедной породы душ наших...

На окраине Москвы, где река делает большую петлю, будто обходя тайное подводное препятствие, стоит микрорайон Брюханово. Река делит его на две части, на Верхнее, ближе к центру, и Нижнее, уже почти подмосковное. Прежде, в незапамятные времена, были это две враждующие пригородные деревни. Продавали, сбивая друг другу цену, в столице молоко и яйца, парни отчаянно дрались на весеннем слабом льду вплоть до членовредительства и нечаянного утопления, а солидное население сильно завидовало городским, их электричеству и центральной воде, не говоря уж о прочих теплых удобствах и возможностях конторской чистой работы, и ревниво гадало, кому прогресс достанется раньше. По всему выходило так, что верхние брюхановцы должны были опередить... Но прогресс распорядился по-своему: сначала Брюханово Нижнее сделалось огромным спальным микрорайоном, застроенным длинными девятиэтажками и шестнадцатизэтажными башнями для простого, неудержимо растущего населения, а потом Верхнее оказалось прорезанным улицей имени какого-то неизвестного Петрова, вдоль которой встали богатые дома с дорогими квартирами и салонами красоты. Так что электричества и водопровода досталось в конце концов поровну, однако преимущество у верхних все же получилось за счет социального расслоения, свалившегося вдруг на наши непривычные головы. Жили себе все обыкновенным образом, бегали по нужде в кривые будки за грядами, над обрывом – и вдруг на тебе! У одних унитаз за три зеленых штуки, с дизайном, а у других советский, с деревянной подковой, да и тот треснутый. Одним дорога в бандиты либо в охранники, а другие от бандитов себе охрану нанимают. Одни баню топят в оздоровительно-развлекательном комплексе Nizneie Bryukhanovo Country Club, а другие там парятся.

В общем, демократия.

С другой же стороны посмотреть... Хоть демократия, хоть старая власть, а как было Верхнее Брюханово всегда к Кремлю ближе, как пустили туда трамвай аж

до войны, когда в Нижнем еще и мостовой-то не положили, как заливало всегда нижний берег, а верхний красовался, отражаясь в широком паводке, так и осталось, так и навсегда останется. Это не история, товарищи, это география, наука не столько гуманитарная, сколько естественная. Против географии революцию не сделаешь.

Например, география устроила так, что в самом изгибе реки расположилось небольшое населенное место, издавна не относившееся ни к Верхнему, ни к Нижнему Брюханову. Десятка три там стояло серых дощатых изб, земля была грязная, болотистая, ветер дул круглый год. Для чего в таких паршивых условиях поселились люди, один Бог знает, люди вообще где только не селятся – и на вулканах, и на мерзлоте вечной, и в подверженных землетрясениям, наводнениям, вечной суши краях. Чего, спрашивается, там жить, когда полно пустых пространств с прекрасными видами и безопасных? Непонятно, а ведь живут. Станный люди народ, необъяснимый.

Вот и в межбрюхановской излучине жили аборигены, да так и остались жить, несмотря на общее развитие, свободу и экономику. Раньше поселение это никак не называлось, а в последние годы стало называться просто «частный сектор», поскольку имелось решение о скором его уничтожении путем повального сноса, предоставления прописанным гражданам соответствующей площади в новостройках данного административного округа и строительства на очищенной территории высотного жилья с замораживанием почв под фундамент. В воздухе тех краев вообще была растворена идея большого строительства, несмотря даже на то, что возведение на упомянутой улице Петрова самого высокого дома в мире несколько лет назад не удалось – не сработались разноязыкие гаст, как говорится, арбайтеры, проект с красивым именем «Бабилон» законсервировался и распался понемногу в пыль, а застройщик разорился. Однако неугомонным строительным фирмам и благоволящим к ним властям все равно не терпелось снести к чертовой матери частный сектор, так что дни забытых Богом и жизнью халуп казались сочтенными.

Но тут-то и проявила свою загадочность неистребимая наша душа, понять и объяснить которую уж не один век тшатся иные горе-исследователи, да все без толку. Не выйдет, господа, не надейтесь! Велика страна, и огромная тайна хранится в большом сердце русском, вмещающем весь мир, всю вселенную даже. Тесно ему, сердцу, на отведенных санитарными нормами квадратных метрах, душно в обычных квартирах, хотя бы даже и улучшенной планировки, – подай нам целиком поднебесный простор, да не тронь и малую, но необъятную родину.

Одним словом, жители взбунтовались. Подите вы все на грубые буквы, говорили жители строительным эмиссарам и официальным уполномоченным, а нас оставьте в покое в избах наших кривых, без водоснабжения и канализации, зато с огородами и земельным природным наделом в пять-семь, а у некоторых и в десять соток. Это есть наша недвижимая собственность, отечество наше, и не надо нам вашего комфорта с телефонами и даже мусоропроводом. Здесь отцы наши жили с матерями, здесь деды наши мучались под царизмом и последовавшим без хотя бы малой передышки социализмом, здесь и мы умрем непокоренными, плевать на ваш рынок.

Скажите, ну откуда берется вдруг в нашем соотечественнике такая гордость, тяга столь непобедимая к воле – к свободе, то есть? Ведь столетиями жил он, да и сейчас не против жить под начальниками, и даже любит начальников этих, почитает их отцами родными, ждет от них блага и заботы, за что готов, опять же, любить и почитать. Вон один поручик, снискавший среди знакомых славу некрасивой внешностью и дурным характером, а среди всех прочих еще большую талантом, так прямо и написал – мол, страна рабов, страна господ, будто больше среди нашего брата нет никого. Еще и немтыми облаял, можно подумать, сам в Тарханах

из джакузи не вылезал... Но только до поры послушен русский человек, а потом как взорвется! Тогда начинается пугачевщина, пусть в масштабе отдельно взятого квартала.

И поднялся частный сектор на борьбу.

Нашлись, конечно, сразу народные вожаки из числа ветеранов труда и войны, организовали сопротивление. Составили при участии молодого грамотного поколения письмо протеста, отправили его в префектуру по назначению, копии же на всякий случай послали известным по телевизору депутатам, нескольким популярным, исполняющим хорошие песни артистам эстрады, в Международный суд справедливого города Страсбурга ну и президенту, конечно, чтобы разобрался. Письмо вместе с копиями молодежь распечатала на принтере, так что проблем не было.

Ответ на письмо пришел вскоре совершенно несимметричный – в виде нескольких уполномоченных мужчин и женщин, двинувшихся по домам со смотровыми ордерами на новые квартиры. Уполномоченные глядели хмуро, удивлялись, как могут люди отказываться от современного жилья с лифтами внутри и инфраструктурой вокруг, оставаясь в доисторических условиях с водой в колонке и даже без кабельного телевидения. Протестанты же стояли на своем, расписываться за ордера отказывались, так что уполномоченные скоро набились все в казенный микроавтобус и покинули поле битвы за умы людей.

Победа эта, однако, не усыпила бдительности испытанных пенсионеров, среди которых были и те, кто имел опыт жалоб еще в райкомы, парткомиссии и ОБХСС. Старики готовились к новым боям, и оказались правы: вскоре по почтовым ящикам смущенная почтальонша разложила уведомления о грядущем принудительном выселении граждан по уже состоявшемуся каким-то срочным образом решению межрайонного суда. И пока общество разбирало смысл документа, заревели моторы, показалась на подступах к месту действия тяжелая строительная техника, за которой шла пехота в оранжевых жилетах, а в глубоком тылу виднелись черные машины начальства.

Что оставалось делать массам? Только взяться за руки и встать поперек движения цивилизации, готовой, как всегда, смести со своего пути все живое. В цепи оказались рядом пожилые женщины в домашнем платье и темных, словно в церковь повязанных платках, юноши в просторных штанах, майках со словами и американских кепках, несколько серьезных мужчин, самоотверженно преодолевающих абстинентное недомогание, старик с потемневшей до полной неразборчивости медалью на протертой колодке и значком ударника коммунистического труда, две девушки на каблуках и с музыкальными затычками в ушах – в общем, небольшое, но цельное человечество. И бездушный металл отступил, а с ним, вроде бы, отступилась от упрямцев и власть.

Эх, наивность! Дети вы, господа, истинные дети. Где ж это видано, чтобы власть отступалась? Не бывает такого в беспощадной действительности, и не надейтесь. Для того мы и назначаем себе власть, чтобы она держала нас в строгости, силком творила благо, без уступок пресекая народные капризы и баловство. Иначе население такого наворотит, что само не обрадуется, вплоть до полного истребления себя. В одном суть и смысл любой власти, хоть царской, Богом данной, хоть всенародно избранной под международным наблюдением – охранять людей от их же собственной глупости. А как только она в этом занятии слабину даст, тут ей и конец, заодно же и большей части народа, который без узды непременно начнет друг друга убивать и грабить во имя добра, справедливости и свободы. Найдутся грамотные дураки (им потом тоже отольется), дадут всему название – великая революция или исторические реформы, или еще какая-нибудь херня – и пойдет: нищета, голод, стрельба на улицах, в подвалах гнилая вода стоит... Так и будет, пока не выползет из безобразия новая сила, не гаркнет

как следует, не перехватит болтающиеся вожжи, не станет властью, не запретит бунтовать. Тогда опомнимся, возьмемся за ум, делом займемся – глядишь, все понемногу и наладится до новых бунтов.

Вернемся, впрочем, на место описываемого действия, к действующим на нем лицам и исполнителем Господней неисповедимой воли. Прошла с народной победы неделя, наступила ранняя золотая осень, принесшая, как положено, очарование очам... Красота! Прозрачность, воздух... И тут-то для вразумления межбрюхановских инсургентов руководство отключило им свет. Приехали дядьки на грузовике с такой выдвижной штукой, поделали чего-то на столбе, и привет. Как бы намек – не хотите жить в современном электрическом мире, вот вам ваша отсталость в полный рост. Топите свои печи, таскайте воду ведрами, ешьте тухлятину без холодильников и, главное, попрощайтесь с любимыми телевизорами, раз вы такие умные. Желаете в родной деревне оставаться, так попробуйте настоящего деревенского счастья. Жестоко, конечно, но логично.

Что ж, погрузился, как говорится, во тьму злополучный частный сектор. Притих протестный электорат, сидит по домам при свечках, вставленных в стаканы и другие подручные предметы, мается. Молодежные компьютеры остановились, телевизоры прекратили снабжение зрителем юмором и жизненными фильмами, морозилки потекли... Только радио батарейное поет задушевно арестантские песни, но от этого делается еще грустнее, потому что и песни грустные.

Юное поколение быстро рюкзаки поцепляло и в город подалось, ему, юному, все равно, оно и при свете невесть где гуляло. Женская часть подумала-подумала, задула свечи, да и спать легла, накрутилась за день, хоть отдохнуть, если серию не посмотришь. А мужчинам, конечно, не спится в силу мужской более нервной организации, так что остается стоять вокруг ларька «Продукты», где, следует признать, они и в светлое мирное время стояли. В ларьке находчивый хозяин зажег неизвестно где найденную керосиновую лампу и при ней, вопреки противопожарной безопасности, отпускает пиво и сопутствующие товары, вплоть до белой, предпочитаемой отдельными, наиболее решительными покупателями.

Ну и разговор, конечно, идет.

Потому что бараны мы, хуже скотов, говорит один джентльмен, так с нами и надо.

Следует заметить, что в любой отечественной компании всегда находится кто-нибудь, склонный к такой национальной самокритике. Иногда он этим и ограничивается, иногда же продолжает – вот, посмотрите на евреев (хачиков, немцев, китайцев, да хоть кого), они, небось, так с собой не позволяют обращаться. Потому что друг друга тянут, стоят друг за друга, головой думают, а мы и мозги пропили, и совесть. Последнее утверждение никак не мешает оратору продолжать то же занятие, которому одновременно с беседой предаются все...

В конституционный суд надо идти, вот что, говорит второй.

Почему именно в конституционный, он не объясняет. Такой информированный господин обычно хранит тайну своего знания, и с ним никто не спорит, не требует аргументации, слушают уважительно и серьезно кивают головами. Впрочем, к чести российской общественности, рекомендации экспертов подобного рода она никогда не выполняет...

А если с другой стороны взять, после долгого совместного молчания говорит третий, можно и переехать, в этой-то помойке жить тоже радость небольшая. И точно, как скоты.

Неожиданный оппортунизм не встречает никакого отпора. Вместо того, чтобы немедленно исторгнуть осквернителя принципов и потенциального предателя из своей среды, собеседники снова надолго задумываются в тишине. Этим и поразителен великий русский характер, что любую чуждую идею мы не отвергаем сходу, а принимаем к сочувственному рассмотрению, и даже увлекаемся ею, и

даже готовы довести до воплощения в прямой ущерб себе! А что, рассуждает наш человек, раз есть такая мысль, то ведь и правота своя есть у того, кто ее думает... Давай-ка попробуем, страна у нас большая, богатая, авось ничего ей не сделается от пробы – и пробуем так, как самому Марксу не снилось... Смотри-ка, не получилось, удивляемся потом, надо же. А у других получалось, значит, климат там мягче. Ну ладно...

Так и стоят граждане, размышляя о судьбах родины.

Меж тем, ночь сияет над ними, и в сиянии этом сливается природный блеск отечественных звезд с противоестественным и непобедимым заревом города, как сливаются в безумной нашей истории две стороны света, две половины мира, две иллюзии человеческие.

В такое время и в таком месте никак не могло, по нашему мнению, обойтись без чуда.

Чудо и случилось.

Под сиянием небес, во мгле ночи отделился потихоньку от компании один незаметный такой товарищ. Фигуру его рассмотреть было невозможно, лицо тем более, но впоследствии выяснилось, что он неместный, снимал комнату у одной старухи, и чем по жизни занимался, неведомо. Сидел себе целый день в затхлом старушечьем жилье, курил, писал что-то на бумаге и складывал стопкой – в общем, временно неработающий, но, видно, с образованием. Сейчас таких много – сплошные «не» в определениях...

Он отошел от ларька и, не успев никто и удивиться толком, как в одно мгновение влез на близко стоявший тот самый столб, на котором произведено было высшими силами отключение света. Как уж ему удалось, один Бог знает – без выдвинутой площадки, без кошек монтерских, даже без всякой лестницы! Ну чудо, оно и есть чудо, тут рассуждать не приходится. Взлетел ввысь и повис, прижавшись к столбу, словно магнит его там держал.

Народ... А что говорить о народе, когда раз и навсегда сказано, что безмолвствует он. Ничего против народа мы не имеем, даже любим его по-своему, но тут речь не о нем.

Неместный мужчина, меж тем, уже возился в небесах, восстанавливая контакт. И, опять обратим внимание, без предварительного обесточивания линии, без резиновых перчаток и положенных по технологии бот! А там, вы же понимаете, одной фазы достаточно, чтобы приготовить из любого живого организма гриль... Но ничего не сделалось герою, на то он, опять же, и герой – скрутил провода, будто они из пластилина, да еще и рукой вниз махнул, получите, мол.

Забывтые в рабочем состоянии выключатели тут же пропустили давно желанный ток к лампочкам и телевизионным экранам, озарились окна мертвых мгновение назад домов, свет и тепло сошли к людям.

Нельзя сказать, что люди, узрев чудо, упали на лица свои. Но что выпили от удивления, это да.

Он же все висел на столбе, никак не мог слезть, зацепился за что-то одеждой.

«Я дал им огонь, – думал он и, как свойственно фантазерам, особенно пьющим, досочинял, – за это меня приковали и так далее. Птица цирроз, – продолжал сочинять он, глотая, кстати, пару желтых даже в темноте таблеточек аллохола – будет прилетать и клевать мою печень. Возникнет прекрасная легенда, которую я мог бы записать и, наконец, достичь славы, моя книжка лежала бы среди новинок во всех больших книжных магазинах, возможно, даже с бумажкой «Лучшие продажи месяца» поверх стопки. Но мне не суждено добиться такого успеха, я буду здесь висеть, как последний мудак, вот и все, а электричество, один хрен, опять отключат. Стоило ли забираться так высоко?».

Сомнения в избранном пути, бессмысленные сожаления об уже совершенном терзали несчастного. Героям вообще-то не свойственна рефлексия, но некоторые

становятся героями нечаянно, не успев потерять симпатичные человеческие свойства.

Утром приехало Мосэнерго, его сняли, слегка наподдав, как положено. Избы пошли под бульдозер через месяц, людей расселили по плану, все кончилось.

Прометей взял сумку и отправился в город. Там он, конечно, потерялся среди других наших знакомых – предпринимателей без образования юридического лица, пиарщиков, светских девушек, призраков, бандитов, работников метрополитена, бомжей, вурдалаков, председателей думских комитетов, милиционеров, звезд шоу-бизнеса, ведьм, работников ЧОП (частных охранных предприятий), посетителей кофеен, любителей экстремального спорта, говорящих зверей, военных пенсионеров, москвичей и гостей столицы, временно зарегистрированных за взятку. Наверное, опять нашел комнату у какой-нибудь старушки, и все пишет свою книгу. Жизнь ведь одна и кончается быстро, надо спешить и стараться.

Мы надеемся, что Господь пошлет ему сил и времени дописать – иначе, действительно, не стоило лезть так высоко.

2004, 31 октября – 13 ноября, Павловская Слобода